

Два дня спустя, в Приказе придворного этикета.

— Обмен пленными — это же важное дело. — У Синь Циу уже не осталось агрессивного настроения, проявленного в международных переговорах, и он добавил спокойно: — Его величество приказал, что неважно как, но всех плененных солдат и офицеров нужно вернуть. В остальных же мелочах вполне допустимо чем-то поступиться.

Подчинённые чиновники ответили согласием:

— В этот раз Северная Ци и подконтрольные ей мелкие княжества уже подвели приблизительный итог захваченных нами плененных, всего две тысячи четыреста с лишним человек, с нашей стороны в плен попало примерно тысяча человек. Согласно указу его величества, даже если менять двоих на одного, можно вернуть всех.

— Хм. — Синь Циу покивал, очень довольный работой своих подчинённых, и добавил: — Что касается вопроса о новых границах, мнение его величества тоже очень простое: ни цуня завоёванной в этот раз земли не уступать. Если Северная Ци захочет земли, пусть отдаёт тот кусок степи Цяньлунвань.

Цяньлунвань лежала на северо-западе от государства Цин и была связана с единственным анклавом Цин. Если её вернуть, анклав будет в безопасности.

Подчинённые спешно записывали указания начальника, и кто-то обеспокоенно сказал:

— Только вот, неизвестно почему, Северная Ци очень непреклонна и настроена на решительную борьбу. Они обещали только дань, но не намерены отдавать земли.

Тот регистратор, что резко высказался на «чаепитии», очевидно, был весьма импульсивным: он стукнул по столу и закричал:

— Мы уже заняли эти земли, неужто можем их вернуть?

Синь Циу покивал головой:

— Хотя господин Сяо высказался несколько прямолинейно, но он всё же прав. — Он скользнул спокойным взглядом по подчинённым, резко поставил чашку на стол и произнёс: — Уважаемые коллеги, не забывайте, за эти земли наши войска ломали мечи, они отвоёваны кровью и потом, разумеется, мы не можем с поклоном вернуть их обратно. Наши воины заплатили за них жизнями, а что же мы? Мы тут только языками работаем, так что тем более не можем упустить выгоду для родной страны, мы должны бороться с противником за каждый грош и каждый клочок земли.

Тот же человек, что высказался раньше, нахмурившись, продолжил:

— Вы совершенно правы, господин, только вот, как сказано в тайном докладе посла в столице Северной Ци, вследствие проигрыша в этой войне отношения между императором и вдовствующей императрицей Северной Ци потеплели, а младший брат вдовствующей императрицы уже признан виноватым и отозван. Если мы в переговорах будем слишком многого требовать и случится разрыв, а за ним и новая война, боюсь, это не совпадёт с желанием его величества. Мы должны хорошо понимать, что если Северная Ци достигнет единства государя и подданных, то они набросятся на нас в едином порыве, и это будет очень некстати.

— Столица Северной Ци слишком далеко, пока туда — пока обратно, эти разведданные уже окажутся не соответствующими действительности.

У Синь Циу болела голова. В переговорах самым главным было знать себя и знать своего противника, и хотя сейчас они обладали преимуществом победителей и игры на своём поле, но противник оказался в столице их собственного государства и опирался на так до конца не искоренённую правительством шпионскую сеть. Он может обладать информацией о мерах, принятых государством Цин, из первых рук, а государство Цин испытывает трудности, желая знать правду о действиях Северной Ци.

Тут высказался кто-то ещё:

— Почему бы не попросить его величество приказать четвёртому отделу Контрольной палаты помочь нам? Ведь люди четвёртого отдела в Северной Ци гораздо способнее сотрудников других учреждений.

Лица присутствующих просветлели, они подумали, что это верная мысль. Будучи столичными служащими, они, конечно, боялись и ненавидели Контрольную палату, но против того, чтобы натравить этих бешеных псов на врага, они не возражали, наоборот, изо всех сил поддерживали. Но вопреки их ожиданиям, Синь Циу вдруг утратил свои изящные манеры и рявкнул:

— Неужели вы думаете, что я и начальник приказа не подумали о том, что вы предлагаете? В этой Адской Палате нам не согласились помочь, что я могу сделать? Может, мне пойти, ползая на коленях перед опочивальней его величества и рыдать?

«Вот оно как», — подумали служащие и немного успокоились, в душе всё же задумываясь, что ради того, чтобы добыть разведданные о делах в Северной Ци, можно и порыдаться на ступенях Дворца Ликования.

В зале наступила тишина. Хотя в глазах чиновников государство Цин было самым сильным в Поднебесной, но до того, как нынешний император взошёл на престол, жители государства Цин жили в вечном страхе перед обширной Северной Вэй. В результате трёх северных войн при правлении нынешнего императора от неё осталась только половина территории, которая сейчас и называлась Северной Ци. Но если загнанный в угол противник снова развяжет войну, это будет ужасающее событие. Так что без совершенной уверенности в своих силах переговоры

были обречены зайти в тупик.

— Я сегодня вечером отправлюсь во дворец, попрошу указаний его величества,
— нахмурившись, сказал Синь Циу, мельком кинув взгляд на Фань Сяня, который тихо сидел за самым дальним столом. Помощник главы делегации Фань Сянь, казалось, вовсе не осознавал себя таковым. Все эти дни, не важно, на переговорах или ещё где, он всегда сидел молча с улыбкой на лице и думал неизвестно о чём. Следуя указанию наследного принца, Синь Циу перевёл его сюда, первоначально — с целью позволить Фань Сяню приобрести некоторый политический вес. Этот малец был довольно разумен и не присваивал чужие достижения, но постоянно скучать — тоже не дело.

Он немного подумал и мягко спросил:

— Господин Фань, что вы думаете по этому вопросу?

Фань Сянь чуть плотнее сжал спрятанные в рукавах кулаки, но его лицо осталось спокойным, и он так же мягко ответил:

— Подчинённый считает, что Северная Ци сейчас просто впустую грозитя. Если бы у них действительно были силы и намерение снова сражаться, они бы так не торопились прислать посольство с просьбой о мире.

Всем чиновникам было известно о славе господина Фаня как поэта и воина, и за последние дни они оценили его спокойствие и нестяжательство, поэтому у них имелись некоторые ожидания от его выступления. Однако они обнаружили, что он способен только на такие общие высказывания, что их неминуемо разочаровало. Но внешне дела у них шли неважно, поэтому они издали какие-то одобрительные звуки.

Однако Синь Циу подумал, что, раз он начал давить на совесть собеседника, надо давить до конца, и продолжил мягко выпрашивать:

— Это разумно. В общении между двумя странами истина может оказаться ложью, и ложь — истиной. Государства похожи на людей, они зачастую управляются чувствами, поэтому нельзя полностью полагаться на логику. Возможно, у господина Фаня есть другие доводы? — В глубине души он действительно надеялся, что Фань Сянь сможет укрепить убеждения чиновников Приказа придворного этикета.

Фань Сянь мысленно похвалил высказывание помощника премьер-министра «Государства похожи на людей». Немного подумав, он сказал:

— Разгадка — это Чжуан Мохань. Господа чиновники знают положение этого человека в сердцах образованных людей Поднебесной. Если бы Северная Ци не намеревалась просить мира, она никогда бы не заплатила высокую цену, чтобы попросить Чжуан Моханя отправиться с посольством в столицу.

Все служащие Приказа придворного этикета прошли государственные экзамены, конечно, они знали имя Чжуан Моханя. После недолгого колебания они поняли, что это действительно так, но одного этого факта было недостаточно, чтобы вернуть переговоры к первоначальному направлению.

Синь Циу нахмурился и сказал:

— Если вы знаете, почему Чжуан Мохань согласился приехать, это может быть полезно.

В материалах Контрольной палаты было чётко указано, что причины, по которым Чжуан Мохань согласился, заключалась в том, что, во-первых, вдовствующая императрица и император Северной Ци смиренно умоляли его, во-вторых, претендуя на звание совершенномудрого, он решил примирить враждующие стороны. Третьей причиной, скорее всего, стало его личное желание, о котором ничего не получилось выяснить. Хотя Фань Сянь презирал позицию этого «совершенномудрого», он не мог недооценивать репутацию противника. Однако в данный момент он не собирался высказывать эти рассуждения перед собравшимися, а просто мягко ответил:

— Если удастся с ним увидеться, возможно, удастся получить некоторые зацепки.

Регистратор Сяо покачал головой и беспомощно произнёс:

— По правилам международных переговоров, таких людей обычно можно увидеть только на пиру в императорском дворце. Если такие, как мы, чиновники Приказа придворного этикета попробуют добиться приёма и нам откажут, тут уж ничего не поделаешь, только опозоримся.

— Внезапно его глаза загорелись и он добавил: — Однако поэтическая слава господина Фаня разлетелась по всей Поднебесной, думаю, Чжуан Мохань не откажет в дружеской поэтической встрече.

Фань Сянь в ошеломлении подумал, что он сплагатил всего три стихотворения, и два из них были написаны рукой Жожо. Как могли сплетни разнести его поэтическую славу по всей Поднебесной? К счастью, помощник премьер-министра Синь покачал головой и помог ему разобраться:

— Чжуан Мохань всегда был очень заносчив. В литературе, истории и поэзии — он во всём первый, как он может унизиться до встречи с помощником Фанем? По-моему, Северная Ци пригласила его ради дворцового пиршества, где он может использовать свою репутацию, чтобы уговорить его величество.

Чиновники подумали, что, наверное, так и есть.

Когда собрание было распущено, Фань Сянь воспользовался случаем, отвёл господина Синь в сторону и передал свой план, который он и Жожо «разрабатывали» несколько ночей. Синь Циу наспех пролистал его, и его глаза загорелись: он и не ожидал, что Фань Сянь напишет такое.

Хотя доказательства были маловероятными, после тщательного анализа они, казалось, прямо указывали на правительство нынешней Северной Ци.

— Отлично! — взволнованно воскликнул господин Синь. — Раз так, у Приказа придворного этикета появится уверенность при переговорах. Только вот... Помощник Фань, почему вы не упомянули об этом раньше, а передали мне это частным образом?

Фань Сянь подозрительно посмотрел на своего начальника и улыбнулся:

— Некоторые из моих выводов неизбежно будут ошибочны. Это всего лишь личное мнение такого скромного чиновника как я, поэтому я не осмелился высказывать его прилюдно, а сам передал вам для сведения.

Помощник премьер-министра Синь, не в силах сдержать душевного волнения, стоял в коридоре и внимательно читал, всё больше и больше хмурясь. Спустя долгое время он тихо сказал:

— Молодой господин Фань, тут есть много секретов, неизвестных даже правительству.

Сердце Фань Сяня вздрогнуло. В конце концов, он не смог ничего скрыть. Однако он совершенствовался уже десять с лишним лет, начиная с Даньчжоу и до сих пор, так что он не изменился в лице и с улыбкой произнёс:

— Кое о чём мне неудобно много говорить.

Главное в государственной службе — притворяться значительнее, чем ты есть. Как и следовало ожидать, Синь Циу перестал задавать вопросы, а наоборот, тепло улыбнулся:

— Если эти переговоры будут успешными, я подам доклад его величеству и поручусь за ваши большие достижения.

Фань Сянь с улыбкой откланялся.

Синь Циу посмотрел на исчезающий в воротах силуэт, и разочарованное выражение исчезло с его лица. Он был близок к наследному принцу и, естественно, знал, какую власть держит в руках граф Сынань Фань Цзянь как приближённый его величества. Но эта власть никогда не проявлялась на политической сцене государства Цин. Может ли быть... что только из-за Фань Сяня Фань Цзянь осмелился использовать её? Он не проводил связи между Фань Сянем и Контрольной палатой, всё-таки она была личным специальным управлением его величества, и даже принцы не могли вмешиваться в её дела, не говоря уже о незаконнорождённом сыне министра.

Сидя в паланкине, помощник премьер-министра Синь в задумчивости подпёр рукой подбородок. После того, как паланкин остановился, он посмотрел на высокую ярко-красную

стену дворца и подумал, что то, что он сообщил наследному принцу, было правдой: семью Фань можно только перетянуть на свою сторону, но нельзя подавить.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1782286>